

Линь Яню было всего восемь лет, и он уже не мог долго держать на руках малыша — тот казался маленьким тяжелым мешком. Хань И обожал, когда его носили на руках, особенно если это делал старший брат. Как только его ставили на пол, он сразу же бросался к Чжэн Хайяну. Его блестящие черные глазки сияли, вызывая умиление. Маленький «папочка» не смог устоять и взял его на руки.

После ужина в комнате остался запах табачного дыма. Окно приоткрыли для проветривания, а тарелки со стола уже убрали. Официант подал фрукты и десерт. Линь Цзюнь по-прежнему непринужденно откинулся на спинку стула, небрежно поднял руку и сказал официанту:

— Принесите пустой хрустальный поднос.

Официант ответил:

— Хорошо, одну минуту.

Никто не понимал, что задумал Линь Цзюнь. Когда официант принес пустой поднос и вышел, все увидели, как он, держа сигарету в зубах, небрежно достал из большого портфеля две толстые пачки юаней. Он помахал рукой Линь Яню, который находился в комнате:

— Сынок, подойди, помоги разложить.

Линь Янь подбежал, аккуратно сложил две пачки денег на подносе и поставил его на вращающийся стол. Линь Цзюнь наклонился, повернул стол, и поднос с деньгами остановился напротив мест Чжэн Хайяна и Хань И. Он снова поднял руку и небрежно сказал:

— Это подарок на встречу двум маленьким племянникам.

В этот момент мужчины молча сидели, понимая, что это не их дело. Женщины, напротив, засмеялись, взглянув на поднос с деньгами:

— Линь, это не обязательно. У всех нас есть дети, давайте просто не будем обмениваться подарками.

Давать деньги детям — это обычная практика в социальных отношениях. Если у всех есть дети, можно просто не обмениваться подарками. Но манера Линь Цзюня, нувориша, была настолько явной, что он даже не стыдился этого. Он сказал:

— Это для детей, а не для взрослых. Эй, Ян Ян, — крикнул он. — Берите, что дядя дал.

Хань Чжицзюнь задумался и уже хотел позвать официанта, чтобы тот принес еще один хрустальный поднос, но Линь Цзюнь, заметив это, остановил его:

— Не зови. Линь Яню не нужно. Разве у тебя, маленькой звезды, нет денег?! Берите, что дают детям, это же не такие большие суммы. В будущем мне еще придется на вас рассчитывать в делах. Давайте все вместе разбогатеем, это и будет настоящая радость.

Все за столом сразу поняли, что Линь Цзюнь не придает значения этим деньгам, а просто хочет сблизиться с ними. Хотя его метод завоевания расположения был несколько странным, его намерения были ясны.

Взрослые снова начали налаживать отношения. Поднос с деньгами остался на столе перед Чжэн Хайяном и Хань И. Линь Янь смотрел на них через стол и поднял бровь в сторону Чжэн

Хайяна, намекая, чтобы тот взял деньги. Чжэн Хайян не двигался, спокойно сидя на месте. А вот Хань И снова проявил свою любовь к деньгам. Слова «незнание рождает бесстрашие» как нельзя лучше подходили к нему. Он уставился на поднос с деньгами, его глаза загорелись, словно в них мелькали знаки валюты, рот слегка приоткрылся, и он вдруг протянул руку из-под стола, пытаясь достать деньги.

Но его ручка была слишком короткой, и он застрял подлоктем на краю стола, не в силах дотянуться до денег на хрустальном подносе.

Чжэн Хайян промолчал.

Линь Цзюнь, заметив, как малыш тянется за деньгами, но не может их достать, громко рассмеялся. Взрослые повернулись к Хань И и увидели, как ребенок, сидя на специальном высоком стульчике, подпрыгивает, пытаясь дотянуться.

Раньше Чжэн Хайян не задумывался о том, что прячет деньги на глазах у ребенка. Теперь он понял, что воспитание детей нельзя упускать ни на минуту.

Линь Янь тоже рассмеялся, и все за столом последовали его примеру. В этой суматохе Чжэн Хайяну не осталось ничего другого, как взять деньги. Он протянул руку, взял поднос и поставил его перед Хань И. Тот с легкостью схватил деньги и начал засовывать их в свой комбинезон.

Ужин закончился. Этот обед в шикарном ресторане был не из дешевых — счет составил более 1 000 юаней, что в то время было просто астрономической суммой. Чэн Баоли и Чэнь Линлин никогда раньше не ели в таких дорогих заведениях, это был их первый раз.

Хань Чжицзюнь пошел оплачивать счет, а Линь Цзюнь, слегка выпивший, вместе с сыном отправился домой на машине.

Чэнь Линлин присела у входа в ресторан, держа сына на руках, и полезла в его комбинезон за деньгами:

— И И, где деньги? Не клади их в одежду, они испортятся. Мама возьмет их.

Хань И, сжав плечи и зажав пустые карманы комбинезона, начал пятиться к Чжэн Хайяну:

— Нет, мама, нет! Это мои, все мои!

Чэнь Линлин не знала, смеяться ей или плакать. Когда же этот ребенок так полюбил деньги? Ему всего два года!

— Ладно, ладно, — сдалась она. — Все твои, мама не возьмет деньги, которые тебе дал дядя, хорошо? Все твои.

Вечером, вернувшись домой, Чжэн Хайян начал снимать с Хань И комбинезон, и как только он его стянул, на кровать высыпалась целая куча купюр. Раньше он бы сразу бросился на кровать, переворачиваясь в деньгах, но сегодня он сдержался. Он понял, что ради будущего воспитания малыша Хань И нужно сохранять спокойствие.

Чжэн Хайян сделал вид, что не замечает купюр на кровати, и продолжил снимать штанишки с Хань И. Тот, сидя на кровати, поднял несколько купюр и протянул их Чжэн Хайяну, его глазки сияли:

— Братик, деньги.

Затем он наклонился, взял еще одну горсть купюр и протянул их:

— Тебе, все тебе.

Чжэн Хайян промолчал.

Сдержаться было невозможно. Любовь к деньгам взяла верх, и проблемы воспитания ребенка мгновенно улетучились. Чжэн Хайян с радостью взял деньги и весело прыгнул на кровать, переворачиваясь, словно плавал в море денег.

Он подумал, что ничего страшного, все любят деньги, это нормально... Я люблю деньги, и в этом нет ничего противозаконного!

Чжэн Хайян сел на кровать, решив, что займется воспитанием Хань И с завтрашнего дня. Он спокойно начал пересчитывать деньги — целую пачку, 1 500 юаней. Он закончил считать, положил деньги в карман своего мишки и крепко обнял брата, поцеловав его:

— С тех пор как я тебя воспитываю, у меня в кармане становится все больше денег. Скажи, откуда ты такой удачливый?

Хань И улыбнулся:

— Братик, ты рад?

Чжэн Хайян:

— Рад!! Очень рад!!

Хань И засмеялся, и в его смехе появился оттенок «если братик рад, то и мне хорошо».

□

Вскоре Хань Чжицзюнь взял двух детей на север, чтобы снимать рекламу.

Линь Цзюнь, нувориш, имел широкие связи. Он знал многих людей, с которыми Хань Чжицзюнь никогда не сталкивался, например, в индустрии рекламы и телевидения.

Местом съемки стало двухэтажное здание. На втором этаже не было комнат, только большой рекламный павильон с белыми шторами на стенах, множеством ламп на потолке, рядами камер и проводами на полу. В углу находилась небольшая гримерка и комната отдыха.

Линь Цзюнь ушел с Хань Чжицзюнем и съемочной группой обсуждать детали. Линь Янь, знавший все ходы, повел двух детей на грим, где им нанесли пудру, уложили волосы и переодели.

Линь Янь уже был готов, одет в фирменную оранжево-красную одежду «Иянцзи», и сидел в стороне, делая домашнее задание. Чжэн Хайяну тоже нанесли белую пудру и переодели в такую же одежду. Хань И не стали пудрить, только причесали, так как его лицо и так было достаточно светлым и пухлым. Толпа тетушек и сестричек тут же окружила его, щипая, обнимая и играя с ним, не скрывая своей любви.

Чжэн Хайян сначала не заметил, но когда вышел из гримерки, то не увидел Хань И. Оказалось,

что его увели на диван, где женщины играли с ним и целовали.

Чжэн Хайян спросил Линь Яня, который сидел на диване и писал:

— Где мой брат?

Линь Янь поднял голову, бросил ручку и спокойно подошел к группе женщин, вытащил ребенка и вернул его Чжэн Хайяну.

Хань И был недоволен, так как раньше не сталкивался с таким количеством незнакомцев. Увидев брата, он наконец успокоился.

<http://bllate.org/book/16484/1498175>